

Тир-1989-12 авг.

В июне этого года еженедельник «Собеседник» проводил среди читателей конкурс на звание «Мисс Эстрада». Его завела певица, народная артистка СССР София Ротару. Ее читатели организовали недавно свой клуб и назвали его «Романтика». Можно упрекнуть членов клуба в легкомыслии: подумаешь, объединились на почве любви к певице — нам бы их заботы... Но факт есть факт: все же романтика и нынче притягательна, и если ее символом для кого-то стала эстрадная певица — разве не стоит к ней, ее творчеству присмотреться, послушать ее, узнать, что артистку радует, тревожит, огорчает...

— София Михайловна, лет эдак пятнадцать назад в нашей газете вы говорили, что могли бы быть артисткой куда более высокого класса, если бы в нашей стране обучение артистов эстрады находилось на современном мировом уровне. Ваша точка зрения изменилась?

— Не отрекаюсь от этих слов и сейчас. Действительно, во времена моей молодости эстрадным певцам не давали необходимого образования, не стремились увидеть в них личность, без чего воспитание артиста невозможно. Но главная беда состояла не только в недостатке профессионализма. Слишком много сил уходило на борьбу за сохранение собственного «я» в искусстве. У меня-то характер железный. Я всегда знала, чего хочу. И добивалась этого. Как-то в Крымском обкоме стукнула кулаком по столу: буду работать по-своему, а не так, как вы хотите. Или брошу искусство, вернусь в колхоз. Я ведь родилась в селе, «пахать» умею. И чиновник от культуры меня зауважал: пошел навстречу... Но моя творческая судьба не показательна. У кого-то хватило сил противостоять жестокому бюрократическому натиску, а кто-то ломался...

С произволом, несправедливостью, невежеством в действиях чиновников я столкнулась, будучи еще молодой, но в общем-то уже известной артисткой. Произошло это в сфере далекой от творчества. Я жила тогда в Черновцах. Родители и сестры — в селе. Мой брат вернулся из армии и вскоре вместе с родными и друзьями отпраздновал старый Новый год. Казалось бы, что в этом необычного? Но местное начальство сочло крамолой «соблюдение дореволюционного праздника». Буквально неделю спустя отца, который был первым в селе коммунистом, сняли с работы и исключили из партии, брата — из комсомола, кстати, даже без решения бюро райкома. Гневно обличал семью школьный учитель. (Между прочим, сейчас он никакого греха в этом не видит, говорит: «Нам приказали так себя вести...»). Папа тогда говорил: «Не переживайте, дети. Все равно нас уважают». Но мы его чуть не потеряли — так тяжело он заболел. Кого только я не просила о помощи — никто не откликнулся... И мы тогда из Черновцов уехали — в Крым.

— А ходили слухи, что вы переехали из-за болезни...

— Знаю. Видимо, хрупкий облик способствовал распространению таких слухов. А потом мне не единожды приходилось выступать в болезненном состоянии. И знаете, почему? Для участия в так называемых правительственных концертах Министрство культуры вызывало нас телеграммой: «Обеспечить явку певицы такой-то такого-то числа». Несколько раз такие команды приходили, когда я находилась в больнице. А, например, в Черновцах болела ангиной, температура была 39,5. Врач тогда сказал: «София Михайловна, не могу выдать вам бюллетень — спецконцерт для обкома». Пришлось петь. Но, понятно, люди видели, в каком я состоянии...

— Вы не пытались протестовать?

— В тот момент сил не было. Только плакала. А вообще... Понимаете, к нам относились часто, как к крепостным актрисам. Однажды очень высокопоставленный чиновник поручил помощнику доставить меня из больницы прямо к нему. Я недоумевала: зачем? А медсестра посмотрела на меня с сожалением и говорит: «Сколько тебе лет? Ты что, не понимаешь, чего он хочет?». Я, естественно, не поехала.

Я все-таки противостояла попыткам сделать из меня марионетку, забавную игрушку. Например, не пела на банкетах. Когда меня выдвинули на соискание Государственной премии Украины имени Шевченко, моя кандидатура большинством голосов была поддержана, и члены отборочной комиссии попросили меня приехать на пра-

вительственную дачу попеть для них под рояль. Я им в ответ прислала 50 пригласительных билетов в концертный зал. В тот вечер целый ряд кресел пустовал. Что ж, у них свои амбиции, у меня — свои!

— Вы нередко пели псевдопатриотические бравурные песни. Правда, в концертных залах ваши зрители их не слышали,

Автопортрет

София Ротару

там вы исполняли не то, что по радио и телевидению. Что это — компромисс, стремление «потрафить» официозу?

— Да, было в моей творческой жизни некое «засилье», что ли, казенной «патриотики». Но на радио и телевидении просили: «София Михайловна, лучше вас это никто не поет!» И я уступала просьбе конкретных, симпатичных мне людей, а отнюдь не конъюнктурным соображениям. Вообще, наша общая беда и вина, что слова «патриотическая песня» приобрели чуть ли не худительный смысл. Но я, например, с любовью пела «Враги сожгли родную хату»: горькая, истинно патриотическая песня, на мой взгляд. А как-то раз я исполнила ее на правительственном концерте и как только прошла за кулисы, мне было велено впредь отказываться от этой песни. Мол, «слишком в ней много слез»...

Сейчас я почти не ощущаю давления бюрократов от искусства. Только что снялась в музыкальном телевизионном фильме «Золотое сердце», в котором пела то, что хотела. Полубившиеся всем песни Владимира Матецкого и Михаила Шаброва, некоторые вещи Александра Розенбаума, все свои старые песни, написанные Владимиром Ивасюком. И наконец-то уже для радио и телевидения — в стиле «рок». Я рада, что сложился триумvirат единомышленников: композитор Матецкий, поэт Шабров и я. Так работа идет легче и плодотворнее.

Я как будто помолодела. Когда меня спрашивают: «Кто из молодых участвует в вашей новой концертной программе?» — отвечаю нескромно: «Я».

— София Михайловна, не все знают, что вас выдвигали кандидатом в народные депутаты СССР — вы отказались...

— Да. Устала. Не физически, и не творчески — морально. Когда меня избрали много лет назад депутатом областного Совета, я была полна сил и надежд. Но очень скоро поняла: не могу людям помочь. Ходила по квартирам, часто подвальным, столько голосов зывали к справедливости: «София Михайловна, помогите, мы так в вас верим!» Я бегала по инстанциям, но слышала: «Напишите заявление, мы дадим ответ...». И я исправно писала и дисциплинированно ждала. А потом изверилась, поняла: быось лбом о стенку. Сейчас верю в общественные перемены, но силы уже все-таки не те. И так много хочется успеть в творчестве. Хочу помочь сделать наши песни достоянием всего мира.

Это нелегко. Убеждена: надо и в современной эстрадной песне сохранять самобытность, национальный колорит. Ведь фольклорные песни всегда проникновенные, сердечные, потому и притягательны для всех. Но сейчас международный язык эстрадной песни — английский. Хотя первенство в песне принадлежит мелодии, слова ее должны быть всем понятны. Классический пример: прекрасная песня «Хотят ли русские войны?» А спеть на ту же мелодию «Сидел на ветке воробей»? Я мечтаю, например, со-

брать старые украинские песни и спеть их по-английски под аккомпанемент цимбал и сопилки. Хочу сделать их модными — не боюсь этого слова. Объединить национальный колорит и современные ритмы — это спасет тот же «рок» от анемичной вторичности, а наш фольклор — от непонятности.

Меня очень огорчает нынешнее состояние межнациональных отношений в стране. Думаю, что напряженность возникла главным образом оттого, что люди ожесточились. Во времена моей юности в моем родном многонациональном крае существовал только один критерий в отношениях: хороший ты человек или плохой. Моя мама не говорит по-русски, мой муж и его мама — по-молдавски. Но они отлично ладят. Некоторые шутят: конечно, «чем

меньше теща говорит, тем лучше. Муж подхватил шутку, смеется: пусть она меня ругает — все равно не пойму. На самом деле они прекрасно разговаривают каждый на своем языке и понимают друг друга...

— Ваши ближайшие планы, София Михайловна?

— Снова предстоит бороться. Дело в том, что я и мой коллектив только что лишились места работы — репетиционного помещения в Ялте.

Дом собирались снести, мы предложили привести его в порядок. И вот, когда все сделано на наши средства, на него сразу стала претендовать еще одна организация. Ну что ж, придется поспорить с родными ялтинскими властями. Я оптимистка, потому что верю в свои силы и потому что всегда найдутся люди, которые меня поддержат.

— И последний вопрос: как бы вы сами оценили свой характер?

— Я живу в постоянном напряжении. Говорят, я во время концертов и репетиций предельно корректна, но за кулисами — атомный реактор. Когда я пою, вроде бы вся в музыке, а сознание фиксирует: один не ту систему включил, другой не то осветил... И «разряжаюсь» за сценой. Не люблю бездельников... Но если кого обижая, то ненамеренно и потом очень переживаю.

Вообще, когда сталкиваюсь с несправедливостью, страданиями, чувствую желание что-либо предпринять, и немедленно. Во время моих гастролей в Воронеже на концерте были ребята-афганцы, многие — на протезах. Я узнала, что городские власти им никак не помогали. Что толку было бурно гневаться — гнев сдержала и перечислила в фонд помощи афганцам 1000 рублей. Поймите меня правильно: я вовсе не хочу сказать, какая, мол, я хорошая. Просто выполнила свой долг нормального человека, столкнувшегося с людским страданием. Друзья и муж порой поддразнивают: Соня все готова отдать, но, отдав, жалеет. И смеются, когда я с обидой взрываюсь.

Мы, артисты, как никто, своим признанием. Кое-кто считает это проявлением эгоизма, может быть, небескорыстия. Пусть так. Но когда я выступала на гастроллях в Туле, на концерт приехали 20 ребят из Яснополянского детского дома. Пирог для меня испекли. Это одно из самых прекрасных моих воспоминаний...

Беседу вел
Е. БЕЛОСТОЦКАЯ.